

В этом доме жили в основном приезжие, приехавшие в город на заработки. Чтобы сэкономить, они селились в здании в часе-двух езды от центра и каждое утро вставали ни свет ни заря, чтобы успеть на первый автобус.

Людей было много, и большинство передвигались на дешёвом общественном транспорте, поэтому автобусы ходили почти круглосуточно. Перерыв был всего два часа — с двух до четырёх ночи. Даже те, кто задерживался на работе, редко задерживались до такого времени, а уезжать раньше четырёх утра тоже никому не приходило в голову. В эти два часа район погружался в мёртвую тишину, словно вымирал.

У людей с низов не было права на город, который никогда не спит. Они должны были использовать ночь для отдыха, восстанавливать силы перед новым рабочим днём. Они терпели месяц, чтобы получить зарплату, пропустить стаканчик с товарищами или купить пачку хороших сигарет, а потом, пересчитав купюры, отложить немного и отправить остальное домой.

Впрочем, некоторые приезжали сюда семьями и обзаводились детьми — счастливым бременем. У большинства пар не было ни сил, ни времени заботиться о них, поэтому дети оставались дома одни или играли в песочнице за домом.

Таких предоставленных самим себе детей было немало. И некоторые люди селились здесь именно из-за них.

Как, например, Ван Хэй. Нет, точнее — только Ван Хэй.

У Ван Хэя была педофилия. Незадолго до этого он работал школьным охранником и обычно выбирал жертв среди учеников. Дети, как правило, не рассказывали родителям — они не понимали, что происходит. Им было страшно и стыдно, но они не могли объяснить, почему стыдно, поэтому почти никогда не говорили.

Конечно, родители, которые хоть немного внимательны к своим детям, должны были замечать изменения в их поведении. Но и они редко поднимали шум — такие разговоры могли плохо повлиять на ребёнка, и вместо защиты его прав получалась лишь новая травма.

Лишь единицы обращались за помощью к властям, но и такие случаи бывали.

Десять лет назад Ван Хэй напал на маленькую девочку, и её мать пошла в полицию. Однако, вопреки его ожиданиям, другие дети и их родители не выступили с обвинениями, поэтому его не приговорили ни к смертной казни, ни к пожизненному заключению — всего лишь к десяти годам.

Именно тогда Ван Хэй понял: если бы он выбрал не девочку, а мальчика, ему бы не дали и десяти лет. По закону, растление ребёнка младше четырнадцати лет карается максимум пятью годами, а мальчики от четырнадцати до восемнадцати детьми уже не считаются — такие случаи рассматривают как причинение телесных повреждений, что обычно означает минимальный срок.

Так что справедливость существовала, вот только справедливость — не всегда равенство.

Много лет назад Ван Хэй и сам стал жертвой. Тогда он учился в девятом классе, ему как раз исполнилось пятнадцать. Однажды после уроков, когда он ехал на велосипеде, его затащили в переулок. Он отчаянно сопротивлялся и звал на помощь, но всё было бесполезно. В тот день он, стиснув зубы, пошёл в полицию, и преступника быстро поймали. Ван Хэй почувствовал

облегчение — зло было наказано.

Он терпел чужие косые взгляды, поступил в лучшую школу города.

Там почти никто не знал о случившемся, и ему казалось, что началась новая жизнь, светлая и чистая.

Но это продолжалось недолго. Вскоре он снова столкнулся с тем мужчиной, и дальнейшее было предсказуемо.

Он не мог понять: почему этого человека так быстро выпустили? Ведь он совершил нечто ужасное, разве нет? Почему полиция не приговорила его к смерти? Почему не посадили навечно? От ужаса к разочарованию, от разочарования к отчаянию, а затем — к душевному надлому. На всё это ушло чуть больше часа.

На этот раз он не пошёл в полицию. Он больше не верил в справедливость.

Вернувшись домой, он спрятал наточенный кухонный нож, положил в рюкзак точильный камень, а все деньги убрал в потайное отделение.

Он решил вершить суд сам.

Когда тот мужчина снова нашёл его, Ван Хэй покорно пошёл за ним, а когда тот потерял бдительность, вонзил нож ему в сердце, а затем ударил точильным камнем по голове. Он не помнил, сколько раз бил, — перед глазами всё было залито красным.

Потом он сбежал. Пересаживался с одного автобуса на другой, где не требовали документов, и в конце концов оказался в другой провинции, проехав почти полстраны.

Скитался несколько лет, пока наконец не обрёл новое имя и новую жизнь. Больше не нужно было бояться погони, можно было жить спокойно. И тогда он осознал одну вещь: он ненавидел всех взрослых. Испытывал к ним и физическое, и душевное отвращение.

Чистыми и милыми казались только дети.

Сначала он ничего не делал. Но потом, увидев, как ребёнок плачет из-за конфеты, стал носить детям сладости. Так прошло почти десять лет.

Однако постепенно он понял, что и дети не так уж чисты. Они хитрили, ссорились из-за угощений, пытались урвать больше. И он решил, что должен их наказывать.

Но наказания не работали. Пока он не попробовал другой способ.

Дети стали послушными, а он сам испытал невероятное наслаждение.

Постепенно всё перевернулось с ног на голову. Сладости превратились в приманку, а наказание — в цель.

Он боялся разоблачения, поэтому постоянно переезжал, менял школы.

А потом его поймали и дали десять лет. Выйдя на свободу, он выбрал этот дом.

Это был настоящий рай.

Но между раем и адом — лишь тонкая грань.

Потому что появился Гу Уюань.

Гу Уюань не был местным, но этот город ему нравился, поэтому для благотворительности он выбрал именно этот отдалённый район. Он хотел помочь здешним детям.

Но, приехав, он увидел, как несколько детей плачут над ребёнком в рваной одежде. Подойдя ближе и осмотрев его, Гу Уюань побледнел. Он подхватил ребёнка на руки, отнёс в машину и в момент, когда заводил двигатель, увидел Ван Хэя — человека, который стал причиной его многолетних кошмаров. Тело задрожало, но вместе с дрожью поднялась волна ненависти.

Он сдержал порыв раздавить Ван Хэя машиной. Отвёз ребёнка в больницу, связался с управляющим дома, чтобы тот нашёл родителей, а сам вернулся к себе.

Не включая света, он сел на кровать, обхватив колени, и погрузился во тьму.

Его охватил страх. Не за что было ухватиться.

Почему то, что он так отчаянно пытался забыть, только росло и крепло?

Почему, несмотря на все усилия, он не мог жить открыто и спокойно?

Почему, даже будучи окружённым любовью, он оставался таким слабым?

Почему он снова проиграл...

В конце концов, Гу Уюань молча вышел из дома. Он приехал к тому зданию в два двадцать ночи. Поднялся на нужный этаж к двери Ван Хэя в два тридцать один. Вошёл в квартиру в два тридцать три. Всё кончилось в два тридцать пять. А когда он вышел, было два сорок семь.

Он не стал скрывать следы — лишь обработал тело так, чтобы оно не так быстро разлагалось.

В два пятьдесят пять Гу Уюань уехал.

На следующий день он привёл сюда свою команду и волонтеров, привёз детям игрушки и провёл с ними весь день. Он планировал построить здесь парк развлечений, где могли бы работать родители. Это помогло бы не только детям, но и оживило бы местную экономику, привлекло бизнес, улучшило условия жизни.

Детям больше всего нужны близкие. Без родителей всё теряет краски.

Гу Уюань знал, что времени у него мало, поэтому быстро договорился с командой.

И что тут скажешь? Он не ожидал, что людская любознательность окажется сильнее полицейского расследования. Люди начали связывать его интерес к детской благотворительности с прошлым — с тем, что он в детстве стал жертвой насилия. Всплыли имена насильника, лечащего врача... Полиции оставалось лишь сложить два и два и выйти на него.